

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Поликарпова О.С. Перспективные направления совершенствования досудебного производства в российском уголовном процессе // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76640 EDN: JZNCON URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76640

Перспективные направления совершенствования досудебного производства в российском уголовном процессе**Поликарпова Ольга Сергеевна**

ORCID: 0000-0002-1324-6267

кандидат юридических наук

старший преподаватель; кафедра административной деятельности ОВД; Санкт-Петербургский университет МВД России

198206, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1

[✉ zhuravlenok_os@mail.ru](mailto:zhuravlenok_os@mail.ru)[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.11.76640

EDN:

JZNCON

Дата направления статьи в редакцию:

05-11-2025

Аннотация: Предметом исследования являются нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, напрямую или косвенно касающейся процессуального статуса фактически подвергнутого уголовному преследованию лица, в целях выявления как препятствий развития досудебного уголовного судопроизводства, так и перспективного ориентира для такого развития. В частности, проанализирован перечень процессуальных оснований наделения процессуальным статусом подозреваемого и корреляция данных оснований с другими уголовно-процессуальными институтами. Выявлены существенные препятствия для совершенствования российского уголовного судопроизводства в виде нелогичной корреляции института подозрения с институтом мер уголовно-процессуального пресечения, а равно фактическая недостаточность предусмотренных действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации оснований

наделения процессуальным статусом подозреваемого для формы предварительного следствия и неоправданная обязанность предъявления обвинения подвергнутому уголовному преследованию лицу на начальном этапе расследования преступления, в действительности не формирующего гарантию допустимости длительного уголовного преследования такого лица. В ходе исследования автором применены сравнительно-правовой метод для исследования процессуальных оснований появления в уголовном судопроизводстве процессуальной фигуры подозреваемого в двух государствах и формально-юридический метод, применением которого с учетом статического и социологического методов проведен анализ ряда норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с фактическим правоприменением. Новизна исследования состоит в предложении, которое, увязываясь в концепцию развития процессуального статуса подозреваемого, позволит реформировать досудебные стадии российского уголовного судопроизводства через изменение уголовно-процессуальной модели формирования его основы и повлечет сокращение уголовно-процессуальных процедур, применяемых в отношении подвергнутого уголовному преследованию лица, до передачи уголовного дела прокурору и придания такого лица суду. По результатам исследования определены направления совершенствования досудебных стадий российского уголовного судопроизводства, положительно зарекомендовавшие себя посредством апробации положений нового Уголовно-процессуального кодекса правоприменителями Республики Казахстан. С учетом доводов ученых-процессуалистов, позволяющих соотнести аргументы автора с суждениями научного сообщества, и мнения правоприменителей, сформированного в совокупном процентном соотношении по результатам проведенного анкетирования, выдвинуты идеи, способствующие развитию российского досудебного уголовного процесса.

Ключевые слова:

уголовно-процессуальная модель, подозреваемый, институт подозрения, уголовное преследование, институт обвинения, процессуальный статус, основания наделения статусом, досудебное производство, прокурорский надзор, следственный судья

Предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации требуют предшествующего детального анализа проблем правоприменительной следственно-судебной практики и исследования нововведений, апробированных в других государствах посредством совершенствования и последующего применения норм уголовно-процессуального закона, основанного как на схожей с российским уголовно-процессуальным законодательством процессуальной модели, так и кардинально отличающейся от нее своей самобытностью.

Исследуя вопрос давно назревшей необходимости совершенствования норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в части положений, как напрямую регламентирующих порядок наделения процессуальным статусом подвергнутого уголовному преследованию лица, так и косвенно влияющих на данный процессуальный статус и процессуальный срок нахождения в нем, полагаем необходимым обратиться к опыту одного из государств постсоветского пространства в сфере уголовно-процессуального законодательства, подвергнутого изменению в середине 2014 года.

Нами обращается внимание на уголовно-процессуальное законодательство Республики

Казахстан – государства, в котором после распада СССР законодателем при разработке первого Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК РК от 13.12.1997 г. № 206-1, утративший законную силу) была заложена схожая с уголовно-процессуальным законом РФ модель, рекомендуемая для стран постсоветского пространства Модельным уголовно-процессуальным кодексом (Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств, принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Независимых Государств 17.02.1996 г.). Однако в период действия первого Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, с учетом процессуальных проблем правоприменительной практики [\[1, 2\]](#) и в связи конституционной реформой 2007 года (Закон Республики Казахстан от 21.05.2007 г. № 254 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан»), обусловленной необходимостью всестороннего развития институтов гражданского общества, гармонизации отношений между обществом и государством, а равно ввиду совершенствования международного законодательства, направленного на защиту прав и законных интересов личности, на законодательном уровне была признана необходимость кардинального изменения в том числе уголовно-процессуальной модели (Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» (с изм. и доп. от 16.01.2024 г.)), что было достигнуто разработкой и принятием 4 июля 2014 года нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, принят 04.07.2014 г. Законом № 231-У (с изм. и доп. на 16.09.2025 г.)) (далее – УПК РК).

Результаты кардинального изменения уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан детализированы С. П. Фурлет, что позволило акцентировать внимание на перспективность выбранной законодателем Республики Казахстан уголовно-процессуальной модели, которая была заложена в основу нового уголовно-процессуального закона [\[10\]](#).

Перспективным изменение уголовно-процессуальной модели, реализованное в 2014 году законодателем Республики Казахстан, признается и нами. В частности, в ходе анализа положений УПК РК нами акцентировано внимание на процессуальном порядке появления в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан процессуальной фигуры подозреваемого и обоснованном сохранении этого статуса. Так, согласно положений ст. 64 УПК РК на момент его принятия (до внесения изменений), подозреваемым являлось лицо:

- 1) в отношении которого вынесено постановление о признании в качестве подозреваемого;
- 2) задержанное в порядке ст. 131 УПК РК (статья предусматривает порядок процессуального задержания);
- 3) в отношении которого вынесено постановление о квалификации деяния подозреваемого.
- 4) допрошенное в связи с наличием подозрения в совершении уголовного преступка.

Однако, в период применения положений анализируемой ст. 64 УПК РК до 2020 года, возникла необходимость их совершенствования повышением процессуального надзора. Это повлекло изменение положений ч.1 ст. 64 УПК РК дополнением содержания пунктов 1 и 3 (Закон РК от 19.12.2020 № 384-VI) обязанностью согласования соответствующего

постановления с прокурором, а позднее, дополнением новым пунктом 1.1., предусматривающим возможность наделения конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого путем его допроса в данном статусе в условиях отсутствия необходимости применения к нему процессуального задержания и случаях, не терпящих отлагательства. Однако и в таком случае постановление о признании лица подозреваемым подлежит вынесению, но направляется для согласования прокурору незамедлительно после произведенного допроса подозреваемого. Отказ прокурора посредством вынесения последним мотивированного постановления об отказе в согласовании постановления о признании лица подозреваемым влечет прекращение нахождения лица в данном процессуальном статусе и признание произведенного допроса в качестве недопустимого доказательства (подробнее об этом глава 25 УПК РК). Таким образом достигнуто повышение эффективности процессуального надзора за персонифицированным уголовным преследованием подозреваемого в ходе досудебного производства по делу. Это позволило повысить эффективность досудебного производства, осуществляемого в условиях исключения необходимости вынесения и предъявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого влекущего в ходе производства по уголовному делу наделение процессуальным статусом обвиняемого, поскольку с принятием нового УПК РФ институт предъявления обвинения был реформирован (ст. 65 УПК РК).

Подобный ориентир для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, полагаем, следует учитывать и при разработке научных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, в особенности, в части норм, регламентирующих процессуальный порядок уголовного преследования конкретного лица в ходе досудебного производства по делу.

Необходимость в этом вытекает из анализа положений ст.ст. 46, 47 и 100 УПК РФ. Так, согласно положениям ст. 46 УПК РФ подозреваемым признается лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления или в отношении которого: возбуждено уголовное дело, либо применена мера пресечения до предъявления обвинения, или реализовано его уведомление о подозрении в совершении преступления. Однако последнее из приведенных оснований наделения процессуальным статусом подозреваемого может быть применено исключительно при расследовании преступлений в форме дознания, ввиду корреляции с положениями ст. 223.1 УПК РФ, а иные перечисленные основания не в каждом случае правоприменительной практики могут быть фактически применимы.

В частности, процессуальное задержание в связи с подозрением в совершении преступления может быть произведено в отношении конкретного лица при наличии оснований задержания, предусмотренных ч.ч. 1 и 2 ст. 91 УПК РФ и с учетом характеристики его личности в условиях наличия мотива, фактически вытекающего из предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований применения меры пресечения. В свою очередь основание в виде избрания меры пресечения вообще не поддается логике, поскольку мера пресечения не может быть избрана в отношении лица, процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства не наделенного, либо выступающего в качестве свидетеля по делу, что недвусмысленно вытекает из содержания ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Ее применение допустимо только в отношении подозреваемого или обвиняемого при наличии предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований и с учетом предусмотренных ст. 99 УПК РФ обстоятельств.

Кроме того, приведенный нами анализ состояния преступности в России за период с 2018 года по первое полугодие 2025 года указывает на фактическую раскрываемость

преступлений в процентном соотношении от числа зарегистрированных, не превышающую 54,63 % [\[7, с. 270\]](#) (см. таблицу 1).

Показатель	Год							I пол. 2025 [12]
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Зарегистрировано преступлений	1 991 532	2 024 337	2 044 221	2 004 404	1 966 795	1 947 161	1 911 258	1 084 036
Раскрыто преступлений (из числа находящихся в производстве в отчетном периоде уголовных дел и материалов проверки)	1 087 983	1 052 441	1 031 987	1 030 708	1 035 496	997 689	899 610	526 457
Выявлено лиц, совершивших преступления в отчетном периоде	931 107	884 661	852 506	848 320	818 986	750 465	666 260	363 988
Раскрываемость преступлений, %	54,63	51,99	50,48	51,42	52,65	51,24	47,07	48,56

Таблица 1.

Изложенное позволяет нам сформировать вывод о том, что основание наделения процессуальным статусом подозреваемого, состоящее в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, может быть применено не чаще, чем в половине случаев регистрации преступлений. При этом следует учитывать, что раскрываемость преступлений «по горячим следам» [\[5\]](#) существенно ниже уровня общей раскрываемости преступлений за тот или иной исследуемый период. Так, на примере I полугодия 2025 года, из числа раскрытых, составляющих 526 500 преступлений, раскрыто 26 500 преступлений прошлых лет [\[12\]](#). Число фактически раскрытых преступлений в период установленного ст. 144 УПК РФ процессуального срока проверки сообщения о преступлении, официальные статистические отчеты с возможностью открытого доступа к ним не фиксируют. На редкость применения в качестве основания наделения процессуальным статусом подозреваемого предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица исходя из сложившейся правоприменительной практики обращает внимание А. В. Щербина [\[11, с. 113\]](#).

Таким образом следует, что при расследовании преступлений в форме предварительного следствия, в ряде случаев, единственным возможным основанием наделения конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого может являться его

процессуальное задержание. Однако мотивы такого задержания с учетом характеристики личности и обстоятельств совершенного преступления могут не появиться.

Результаты проведенного нами анкетирования выявили факты применения следователями меры уголовно-процессуального пресечения в отношении лица, подвергнутого персонифицированному уголовному преследованию, исключительно с целью наделения этого лица процессуальным статусом подозреваемого в 31,97 % случаях из 100 % опрошенных следователей, а 42,85 % следователей для наделения процессуальным статусом подозреваемого применяют предусмотренное п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ процессуальное задержание, 1,36 % следователей с этой же целью допускают при расследовании преступлений применение уведомления о подозрении в совершенном преступлении (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), что представляется нам недопустимым, и, особо отметим, 8,84 % следователей с аналогичной целью допускают применение меры уголовно-процессуального принуждения в виде обязательства о явке, которое вообще к основаниям наделения процессуальным статусом подозреваемого законодателем не отнесено. Не расследовали очевидных преступлений 4,08 % следователей из числа анкетированных. Кроме того, нами зафиксированы результаты ответов респондентов из числа следователей в количестве 37,41 %, которые убеждены, что если в УПК РФ предусмотреть новое, унифицированное для двух форм предварительного расследования основание наделения конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого, представляющее собой постановление о начале уголовного преследования, с исключением всех предусмотренных действующей редакцией ч. 1 ст. 46 УПК РФ оснований наделения статусом подозреваемого, таким образом будет исключена противоречивость положений ст. 46 УПК РФ с институтом мер уголовно-процессуального принуждения и реализована возможность для формы предварительного следствия применения основания наделения конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого, которое зависит исключительно от обоснованности подозрения, 24,49 % следователей высказаться по данному вопросу затруднились [\[7, с. 256-263\]](#). Сомнения правоприменителей вполне объяснимы. В условиях неизменного для формы предварительного следствия процессуального порядка наделения фактически подвергнутого уголовному преследованию лица процессуальным статусом подозреваемого на протяжении более двух десятилетий действия УПК РФ, правоприменителям, не изучающим опыт реализации уголовного судопроизводства в других государствах, сложно представить порядок наделения лица процессуальным статусом через вынесение постановления, еще положениями УПК РФ не предусмотренного.

Вместе с тем, предлагаемый ориентир совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, полагаем, следует реализовывать одновременно с совершенствованием ведомственного контроля и процессуального надзора за обоснованностью уголовного преследования подозреваемого, и правоприменителями такая идея не отвергается, что нами установлено посредством проведенного анкетирования, указывающего в качестве обобщенного результата полученных данных на 48,30 % следователей, 27,27 % дознавателей и 62,5 % адвокатов, которые считают необходимым рассмотрение вопроса обоснованности уголовного преследования подозреваемого при каждом рассмотрении ходатайства о продлении срока предварительного следствия (срока дознания) в условии реформирования института предъявления обвинения [\[7, с. 265-266\]](#). Очевидно, что это институт, последний из указанных, препятствует развитию процессуального статуса подозреваемого ввиду регламентированной положениями ст. 100 УПК РФ обязанности предъявления обвинения в строго ограниченный законодателем процессуальный срок,

которого не в каждом случае достаточно для обоснованного обвинения. При этом заметим, что неисполнение этого требования (предъявления обвинения в предусмотренные ст. 100 УПК РФ сроки) влечет правовую неопределенность процессуального статуса конкретного лица, в отношении которого применена мера пресечения. Вместе с тем, выражим убеждение в том, что институт предъявления обвинения в современном уголовном процессе давно не отвечает требованиям обеспечения гарантии обоснованности уголовного преследования и фактически не обеспечивает его допустимость на длительный, свыше установленного ст. 100 УПК РФ процессуальный срок. Обоснованность предъявленным обвинением допустимости продления срока применения наиболее строгих, избираемых судом мер пресечения, неходим оправданной. Данный вывод учитывал результаты анкетирования правоприменителей, по результатам которого 47,97 % следователей, 63,63 % дознавателей и 50 % адвокатов убеждены, что предъявление обвинения ни в каждом случае правоприменительной практики позволяет, либо вообще не позволяет гарантировать допустимость длительного уголовного преследования конкретного лица и применения в его отношении меры пресечения, а 25,85 % следователей, 31,82 % дознавателей, 25 % адвокатов затруднились с ответом на вопрос о том, считают ли, что предъявление обвинения способно гарантировать законность и оправданность уголовного преследования сроком, превышающим установленные положениями ст. 100 УПК РФ [\[7, с. 264-265\]](#).

Изложенные сложности российского уголовного судопроизводства не могут быть устранены локальными преобразованиями отдельных норм УПК РФ. Это неизбежно повлечет изменение уголовно-процессуальной модели, заложенной в основу уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Но следует признать давно назревшую в этом необходимость.

Нам, в целях перспективного совершенствования досудебного российского уголовного судопроизводства, представляется необходимым предусмотреть для всех форм предварительного расследования персонифицированное постановление о возбуждении уголовного преследования, вынесение которого повлечет наделение конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого. Это постановление, заложив в его основу критерии обоснованности подозрения, следует предусмотреть в качестве единственного основания появления в уголовном процессе процессуальной фигуры подозреваемого. Такое постановление должно содержать в себе сообщение о сущности персонифицированного обоснованного подозрения и подлежать вручению фактически подвергнутому уголовному преследованию лицу и его защитнику в виде копии. В исключительных случаях копия такого постановления должна направляться подозреваемому. Когда подозреваемый скрылся от органа предварительного расследования, для обеспечения гарантии его права на защиту, усматриваем необходимость в официальном доведении информации о вынесении персонифицированного постановления о возбуждении уголовного преследования и элементов процессуального статуса подозреваемого до сведения защитника этого лица по соглашению, либо по назначению органом предварительного расследования. Предусмотренные ч. 1 ст. 46 актуальной редакции УПК РФ процессуальные основания возникновения статуса подозреваемого полагаем необходимым исключить.

Совершенствование иных положений УПК РФ полагаем фактически должно быть ориентировано на изменение уголовно-процессуальной модели, не предусматривающей обособленную стадию возбуждения уголовного дела и институт предъявления обвинения в классической его форме, как его называет Н. Н. Ковтун [\[4\]](#), и привычной для всех

правоприменителей в силу его неизменности со времен становления советского уголовного процесса.

Такой ориентир совершенствования российского уголовного судопроизводства повлечет развитие процессуального статуса подозреваемого, позволит снизить количество фактов необоснованного уголовного преследования и процессуальных нарушений, связанных с заведомо завышенной квалификацией инкриминируемого подвернутому уголовному преследованию лицу деяния. А такое, следует заметить, в правоприменительной практике допускается. В частности, о допускаемых правоприменителями нарушениях содержанием постановления о привлечении в качестве обвиняемого рассуждает Н. Г. Стойко [\[9\]](#), на недопустимость предъявления «пилотных» обвинений указывает С. Б. Россинский [\[8\]](#).

В то же время предлагаемые преобразования потребуют введения института следственного судьи с наделением такого нового участника уголовного процесса объемом процессуальных полномочий, как отнесенных действующей редакцией УПК РФ к полномочиям суда на досудебных стадиях процесса (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), так и новых, предлагаемых научным сообществом [\[3; 6, с. 179, 182-183, 186-187, 197-198\]](#), включая правомочие подвергать судебному контролю обоснованность подозрения, явившуюся следствием возбуждения персонифицированного уголовного преследования. Такой участник уголовного процесса введен и законодателем Республики Казахстан в новую уголовно-процессуальную модель, сформировавшую действующий УПК РК, только его полномочия, в отличие от предлагаемых для совершенствования российского уголовного судопроизводства, расширены с учетом особенностей иных уголовно-процессуальных институтов уголовного судопроизводства Республики Казахстан (ст. 56 УПК РК). В свою очередь, проанализированные нами в ходе данного исследования положения УПК РК, признанные в качестве перспективного ориентира совершенствования уголовного судопроизводства, предусматривают реализацию контроля за обоснованностью уголовного преследования через прокурорский надзор. Полагаем, усиление ведомственного контроля и прокурорского надзора, ориентированных на проверку обоснованности подозрения должно быть реализовано в российском уголовном судопроизводстве, процессуальный порядок которого будет исследован нами обособленно от данной статьи ввиду ограничений допустимого ее объема. Однако судебный контроль посредством деятельности следственного судьи считаем наиболее значимым для разрешения вопросов обоснованности возбуждения уголовного преследования, поскольку ведомственный контроль и прокурорский надзор реализуются властными участниками уголовного процесса стороны обвинения.

Предложенное исключит ныне существующий запрет Верховного Суда Российской Федерации «предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, в частности, делать выводы об обоснованности обвинения, оценке доказательств и о квалификации деяния» (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. от 28.06.2022 г.)), поскольку следственным судьей уголовные дела по существу в предлагаемой уголовно-процессуальной модели рассматриваться не будут. Разрешение этого вопроса останется неизменной прерогативой судов общей юрисдикции и военных судов соответственно.

Предложенным будет достигнуто изменение уголовно-процессуальной модели, формирующей основу досудебного российского уголовного судопроизводства, что

повлечет повышение гарантии справедливого, обоснованного уголовного преследования и сокращения уголовно-процессуальных процедур, связанных с наделением процессуальным статусом изобличенного в причастности к преступлению лица и формированием обвинительного тезиса стороны обвинения до передачи очевидного уголовного дела прокурору в целях последующего придания суду подвернутого уголовному преследованию лица.

Библиография

1. Деришев, Ю. В., Нурмагамбетов, А. С. Реформа досудебного производства по новейшему уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 3(58). – С. 26-29. EDN: UISFBH
2. Кемали, М. С. Новый УПК Казахстана существенно повысит эффективность предварительного расследования и защиты прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1 (61). – С. 73-77. EDN: SFDXIH
3. Кирсанов, С. В. Следственный судья: новый участник уголовного судопроизводства? // Российское правосудие. – 2019. – № 4. – С. 71-81.
4. Ковтун, Н. Н., Ковтун, И. С. Институт привлечения в качестве обвиняемого в уголовном процессе России: его "классические" и "упрощенные" формы в контексте обсуждаемых в доктрине новаций // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 2 (93). – С. 121-125. EDN: OMFEMR
5. Лушин, И. А. Некоторые вопросы соотношения понятий раскрытия и расследования преступлений по "горячим следам" // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10-11 июня 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 661-664. EDN: SZZYSO
6. Назаров, А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. – Санкт-Петербург, 2017. – 745 с. EDN: YNVJST
7. Поликарпова, О. С. Развитие процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. – Санкт-Петербург, 2025. – 278 с.
8. Россинский, С. Б. О недопустимости "пилотных" обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4 (95). – С. 121-128. DOI: 10.26516/2071-8136.2021.4.121. EDN: XTOPSO
9. Стойко, Н. Г. Недопустимость предъявления текстуально совпадающих обвинений по групповому делу // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXIII междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 2-3 апреля 2020 г.) : в 2 ч. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. Ч. 1. – С. 162-163. DOI: 10.51980/2020_1_162. EDN: WKVLXD
10. Фурлет, С. П. О первых результатах работы по новому УПК в Казахстане // Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-pervykh-rezulatakh-raboty-po-novomu-upk-v-kazakhstane/>
11. Щербинина, А. В. К вопросу о наделении лица статусом подозреваемого при производстве предварительного следствия // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 15 ноября 2018 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С.

112-117. EDN: YULGCD

12. Состояние преступности в России за январь-июль 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/68795497/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена актуальной проблеме совершенствования досудебного производства в российском уголовном процессе через призму анализа реформы уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан. Предмет исследования выступает комплексный анализ законодательных новаций Казахстана в сфере процессуального статуса подозреваемого и их потенциальная применимость для решения системных проблем российского уголовного судопроизводства. Автор последовательно раскрывает существующие в российском уголовном процессе противоречия, связанные с основаниями приобретения статуса подозреваемого, и предлагает конкретные пути их решения на основе адаптированного казахстанского опыта.

Методологическая основа исследования включает сравнительно-правовой анализ законодательства двух стран, формально-юридический метод, а также эмпирические методы – анкетирование следователей, дознавателей и адвокатов. Особую ценность представляет именно обращение к реформе уголовно-процессуального законодательства Казахстана 2014 года, где был введен институт следственного судьи и изменен порядок наделения статусом подозреваемого через вынесение постановления о возбуждении уголовного преследования. Автор проводит глубокий анализ механизмов, которые могут быть продуктивно заимствованы российской правовой системой. Однако хотелось бы на примере опыта коллег из Республики Казахстан увидеть более детальный анализ практических результатов применения казахстанской модели за десятилетний период ее существования, включая возможные трудности правоприменения.

Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку проблемы, связанные с процессуальным статусом подозреваемого, основаниями и порядком его приобретения, действительно являются одними из наиболее дискуссионных в уголовно-процессуальной науке. Низкие показатели раскрываемости преступлений, приведенные автором, и выявленные в ходе анкетирования случаи искусственного наделения статусом подозреваемого подтверждают необходимость реформирования существующей модели. Особенно убедительно выглядит анализ статистических данных, демонстрирующий, что основание наделения процессуальным статусом подозреваемого в виде возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица применяется менее чем в половине случаев регистрации преступлений, что свидетельствует о системном характере проблемы.

Научная новизна исследования проявляется в комплексном подходе, сочетающем анализ российских реалий с учетом реформы уголовного процесса в Казахстане. Особенно перспективной представляется идея введения единого для всех форм расследования основания наделения статусом подозреваемого – вынесения

постановления о возбуждении уголовного преследования, заимствованная из казахстанского законодательства, но адаптированная к российским правовым реалиям. Предложение о введении института следственного судьи для контроля обоснованности уголовного преследования также заслуживает внимания, хотя требует более детальной проработки его полномочий и механизма взаимодействия с другими участниками процесса, особенно с учетом существующих конституционных ограничений в российской судебной системе.

Стиль изложения в целом соответствует научным требованиям, однако наблюдается некоторая громоздкость синтаксических конструкций, затрудняющая восприятие материала. Структура статьи логична и хорошо отражает сравнительный характер исследования: анализ казахстанского опыта органично переходит в предложения по реформированию российского законодательства. Содержательно работа демонстрирует глубокое знание автором проблематики, о чем свидетельствует широкое использование современных источников, включая диссертационные исследования, данные официальной статистики и материалы правоприменительной практики обеих стран.

Список литературы включает актуальные источники по российскому и казахстанскому законодательству, хотя можно было бы расширить перечень работ, посвященных непосредственно сравнительному анализу процессуальных систем двух стран. Все ссылки оформлены корректно, что говорит о добросовестности автора в использовании научного аппарата. Особого внимания заслуживает привлечение материалов анкетирования практикующих юристов, что придает работе не только теоретическую, но и практическую значимость.

Статья определенно вызовет интерес у научного сообщества и практиков. Потенциальные оппоненты могут указать на недостаточную проработанность механизма имплементации казахстанских правовых новелл в российскую правовую систему, особенно института следственного судьи, что требует значительных изменений не только УПК РФ, но и судебной системы в целом. Также может быть подвергнута сомнению реализуемость полного отказа от стадии возбуждения уголовного дела в ближайшей перспективе. Однако сама постановка этих вопросов является стимулом для дальнейшей научной дискуссии и не умаляет ценности проведенного исследования.

Выводы, представленные в статье, логично вытекают из проведенного сравнительного анализа и обладают значительной практической ценностью. Работа будет полезна не только ученым-процессуалистам, но и практикующим юристам, законодателям, а также преподавателям юридических вузов. Учитывая актуальность темы, научную новизну, основанную на глубоком сравнительном анализе двух правовых систем, и практическую направленность исследования, статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Юридические исследования» после незначительной стилистической правки, направленной на упрощение синтаксических конструкций и улучшение читаемости текста.